

Р. ЭККЕРТ

О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ ЛИТОВСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Известно, что русские народные говоры чрезвычайно богаты в лексическом отношении. Ярким свидетельством этого является большое количество областных словарей, сборников и списков диалектной лексики, а также другого рода собраний народных выражений и слов. Об этом можно хотя бы судить по обширному перечню источников нового сводного „Словаря русских народных говоров“, занимающему 139 страниц в первом томе названного труда¹. При этом мы еще не можем утвердить, что лексика русских народных говоров в удовлетворительной степени уже собрана и издана. Несомненно еще много ценных материалов нужно будет собрать и ввести в научный обиход.

Отрадным явлением в этой связи нужно считать появление ряда лексикографических работ, посвященных русской народной речи, как сводного характера², так и специальных словарей отдельных говоров³, появившихся в последнее время.

Особое значение словарные материалы русских говоров приобретают потому, что они отражают в несравненно более полной мере чем литературный язык древнерусскую, и что касается лексики и семантики в значитель-

¹ См. Словарь русских народных говоров, выпуск I, Москва-Ленинград, 1965, 21-160.

² Помимо уже названного Словаря русских народных говоров, составителем которого является Ф. П. Филин, сюда относится работа Г. Г. Мельниченко, Краткий Ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820 — 1956 гг.), I — II, Ярославль, 1961.

³ Ср. Б. А. Моисеев, Материалы для „Оренбургского областного словаря“, — Ученые записки Оренбургского педагогического института, XV, 1962, 124-133; А. Ф. Иванова, Материалы к словарю Московской области (лексика, связанная с обозначениями средств передвижения), — Ученые записки Московского областного педагогического института, IX, 1963, 227-232; В. И. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова, Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики, под ред. Семеновой, Рига, 1963; П. А. Вовчок, Э. В. Глазорова, Н. П. Костина, А. М. Пашковский, Л. В. Сахарный, Словарь русских говоров среднего Урала, I, Свердловск, 1964; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, под ред. В. В. Палагиной, I, Томск, 1964.

ной степени и праславянскую языковую систему. В ряде случаев они хорошо сохраняют даже факты, восходящие к ещё более древнему периоду, к эпохе индоевропейского праязыка⁴.

Крупный специалист по истории русского языка и знаток русской диалектной лексики Ф. П. Филин пишет в предисловии уже упомянутого „Словаря русских народных говоров“: „Между тем разработка многих важнейших проблем истории русского языка, истории родственных славянских языков и некоторых общих и частных вопросов истории других языков (разрядка наша. — Р. Э.) затруднительна и даже невозможна без должного использования словарных богатств русской народной речи“⁵.

В нашей статье мы пытаемся показать значение лексических материалов из русских говоров для изучения истории слов и этимологии литовского языка. Отношения, устанавливаемые между русскими диалектными словами и литовской лексикой могут быть разного рода: во-первых, генетические, в смысле общеиндоевропейского родства или родства определённой группы индоевропейских диалектов; во-вторых, они могут отражать контактные явления (заимствования) и, в-третьих, могут иметь место отношения сходства в силу параллельного, независимого развития. В некоторых случаях речь идет не только об отдельных словах, но и о целых микроконтекстах.

Материал расположен в виде отдельных этимологических заметок-

1. Русск. диал. *середіны* — лит. *mėdė*

Общевалтийское название леса образовано от корня **medh-*, ср. лит. *mėdė*, -*ės* ж.р. „(большой) лес“; *mėdis*, -*džio* м. р. I. „дерево“ как растение и как материал, 2. „лес“; др.-лит. *medeīne* „богиня леса“; лтш. *mežs* „лес, роща“; *mežaine* „лесистая местность, лес“; *mežuotne* „лесистая местность, дремучий лес“; *mežājs* „лесистая местность“ и др.-прусс. *median* ср. р. „лес“. В русских диалектах и в некоторых других славянских языках встречаются слова с тем же корнем и значением, ср. русск. диал. *межá* „лесок“ (Vasmer, REW II 112); с хорв. *měda* „Grenze, Gebüsch“ и словен. *méja* ж. р. I. „Grenze“, 2. *lebendiger Zaun, Hecke*“, 3. „Gebüsch, Gehölz, niedriger Wald, Hain“ (Pleteršnik, I 566). В других индоевропейских языках от этого же корня образуются слова со значением „середина, средний“ и т.д., ср. др.-инд. *madhya-*, лат. *medius*, нем. *Mitte*.

⁴ Блестящим примером архаичности данных из русских диалектов может служить этимологическая заметка Вяч. В. Иванова, Русское *молить* и хеттское *malda(i)* — Этимологические исследования по русскому языку, I, Москва, 1960, 80-86.

⁵ См. Словарь русских народных говоров, 3.

Поражающее семантическое соответствие балтийским словам можно привести из говора бывшего Череповецкого уезда Новгородской губернии. Там отмечалось слово *середіны* в значении „низменные пространства, покрытые лесом“. Семантика слова не вызывает никаких сомнений, как показывает иллюстрирующий данное слово пример: *Скоро ли коров найдём, середина-то велика*⁶. Как известно, в русском литературном языке *середіна* означает „Mitte“.

Повидимому сюда же примыкает употребление эпитета *дремучий* со словом *середá*, найденным Д. Зелениным в бывшей Вятской губернии, наряду с широко известным выражением *дремучий лес*. Зеленин приводит свадебный приговор:

*Перевóдички гибучи,
Половицы зыбучи,
Середá дремуча...⁷*

Правда, определенную трудность представляет объяснение слова *середá* в данном контексте. В том же диалекте *середь* имеет значение „место у печи, чулан“: *Невеста на середé сидит*⁸. Поэтому Зеленин сравнивает упомянутый свадебный приговор с одним местом из сборника Кирши Данилова: *широко раздолье перед печью*. Но и это еще не противоречит тому, чтобы сопоставить *середá дремуча* с *дремучий лес*, особенно если помнить диалектную семантику выше упомянутого слова *середіны*⁹. Это русское областное слово по-видимому сохраняет довольно древнее значение. Оно является новым подтверждением правильности этимологии лит. *mēdis*.

2. Русск. диал. *облетовать* — лит. *vāsaroti*

Нам удалось в другой работе доказать, что лит. отыменный глагол *vāsaroti*, *-ja*, *-jo* обнаруживает помимо значений „провести лето“ и „высыхать, гибнуть в летнем зное“ еще одно, по всей вероятности довольно древнее значение „согреть (в зимнюю пору), делаться теплым (о весеннем солн-

⁶ М. К. Герасимов, Словарь уездного череповецкого говора, С. Петербург, 1910, ИОРЯС LXXXVII 3 81.

⁷ Д. Зеленин, О диалектологической поездке в Вятскую губернию, Санктпетербург, 1903, ИОРЯС LXXVI 2 49-50.

⁸ Там же, 143.

⁹ Э. Френкель (LEW I 425) указывает еще на одну параллель для значений „середина“ и „лес“: др. исл. *viðr* „лес, дерево“, англ. *wood*, др.в.нем. *witu* „лес“ и лит. *vidūs* „середина“, а также лит. *vieduðlis* „дерево с высохшей сердцевиной, но ещё зеленое“; *saūsviedis* „внутри высохшее дерево“ и лтш. *sausviedis* „Rüster“. Германские и литовские слова совпадают между прочим и в древней основе на *-j*.

це)¹⁰. Эта семантика находит свое подтверждение в целом ряде прилагательных, порою контаминационных образований, ср. лит. *vasaróšiltis, vasáršiltis* „теповатый, летний (о воде)“; *vasárdrungnis* „теповатый, летний (о воде)“¹¹, а также лит. *vasařnas* „теповатый“¹² и *vāsariškai* в обороте *vasariškai šiltas* „теповатая (вода)“¹³. Точные соответствия этим образованиям мы нашли в словацком языке и в чешских говорах: слвц. *letný* „еле тёплый, тепловатый“¹⁴, чешск. диал. (восточно-лашск.) *letño voda*, противопоставленное антонимичному выражению *žimno voda* „холодная вода“¹⁵.

Опять-таки в русских народных говорах представлены факты, совпадающие до малейших деталей с выше приведенными примерами из литовского и западнославянских языков. С лит. *vāsaroti* можно сопоставить русск. диал. (смоленское) *облетовать* „степлить“ : 1. „сделать воду тёплой“: *Облетоваць воду велел д́охтырь*; 2. „провести лето“¹⁶ и русск. диал. (тверское) *облётнуться* „(о воде) обогреться, стать летнею“¹⁷. Литовским *vasaróšiltis, vasáršiltis; vasárdrungnis* и *vasariškai šiltas* соответствуют точно русск. диал. (псковское) *лётенный* „летний по теплоте, тепловатый“ (особенно о воде)¹⁸ и укр. *літєний* „теповатый“¹⁹. В. Даль (Сл. II 281) снабжает русское прилагательное *лётный* следующими толкованиями: „относящийся к лету; тепловатый, тёпленский: *умойся летнею водою*“.

Эти данные по-видимому находят поддержку со стороны истории русского языка: Русск. церк. сл. *лѣтисино* по всей вероятности имело значение „тёплый, тепловатый“, хотя И. И. Срезневский (Материалы II 80) отказывается определить его семантику. Речь идет о следующем месте из Паиси-

¹⁰ См. R. Eckert, Bedeutung und Gebrauch von litauisch *vāsara* bei Kristijonas Donelaitis, — Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx Universität Leipzig, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, XIV (1965), 100. У. Э. Френкеля (LEW) совершенно отсутствует эта сторона семантики литовского слова.

¹¹ DLKŽ 921.

¹² P. Skardžius, LKŽD 292.

¹³ DLKŽ 921.

¹⁴ Slovník slovenského jazyka, II, Bratislava, 1960, 346.

¹⁵ V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, 264. см. далее А. Kellner, Východoláská nářečí (Moravská a slezská nářečí, IV), Brno, 1949, 211 а.

¹⁶ Смоленский областной словарь, составленный В. И. Добровольским, Смоленск, 1914, 503 (сокр. Смол. обл. сл.).

¹⁷ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, II, С. Петербург-Москва, 1881, 598 (сокр. Даль, Сл.).

¹⁸ В. Даль (Сл. II 281) сомневается в том, что это слово возникло путем устранения гаплогонии из **летотёплый* и даже считает возможным развитие из *едва тёплый*, что явно ошибочно.

¹⁹ Ukrainisch-deutsches Wörterbuch... bearbeitet von Z. Kuzela und J. Rudnycky unter Mitwirkung von Karl H. Meyer, Leipzig, 1943, 367.

евского сборника конца XIV или начала XV века: *Дождь или студено или лѣтисино ино*. Замечательно то, что образование с корнем **lēt-* (ср. прасл. **lěto* „лето“ с одной стороны и лит. *vāsara* „лето“ с другой) выступает в качестве детерминации выражений, обозначающих тепловатую воду.

Таким образом восстанавливаются соотносительные микроконтексты: лит. *vāsaroti vandenį* = вост.-сл. (ов) *lětovati vodu* в виде словосочетания, лит. *vasar(o||a)šiltis, vasar(a)drungnis (apie vandenį)* = вост.-сл. *lěteplyj < *lětoteplyj (o vodě)* в виде сложных слов. Соответствия из западнославянских языков и диалектов исключают возможность рассматривать эти сходства, как возникшие на основе контактных связей и указывает на древность данных семантических структур.

3. Русск. диал. *примень* — лит. *priĩti*

Лит. глагол *iĩti* „брать, взять“ может выступать между прочим в значении „жениться, выйти замуж“²⁰, а некоторые приставочные образования от этого глагола употребляются в ещё более узком смысле, а именно: лит. *paiĩti (žentą)* „принять зятя в свой дом, выдать замуж дочь и оставить молодую пару в собственном хозяйстве“²¹ и лит. *priĩti (priĩtu, priĩtiau, -iĩsiu)* „принять кого-либо в качестве супруга или зятя в свой двор, который принадлежит или будет принадлежать невесте“²².

Именно с лит. словом *priĩti* своим поразительным сходством сопоставляется русск. диал. (смоленское) *примень* „зять, принятый во двор тестя“, *приминь* „приёмный зять“, засвидетельствованные в следующих контекстах: *Когда хочишь пристать у примни паляди у люльку. Муж ея становиться примним*²³.

В данном случае затруднительно предполагать с полной достоверностью сохранение архаичных элементов семантической структуры в русском диалектном слове, основанных на древнем родстве славянских и балтийских языков из-за ареальных соображений (часть смоленской земли несомненно когда-то была заселена балтийскими племенами и возможно за-

²⁰ Ср. в DLKŽ 258: *iĩti žmoną, paĩą*, а также старолит. *imtinay* „zu nehmen, zu heiraten, zu ringen“ (Littauischdeutsches und Deutsch-littauisches Wörterbuch... von Ch. J. Mielcke, Königsberg, 1800, 96). На семантическое сходство лит. *(pa)iĩti* „жениться, выйти замуж; получить зятя; вдомника, надомника; зятя, принятого в дом тестем“ и русск. *братъ* и *бракъ* „Ehe“ указал А. Сабалаяускас (*Literatūra ir kalba*, V, Vilnius, 1961, 570).

²¹ См. Niedermann-Senn-Salys, *Wörterbuch der litauischen Schriftsprache II*, Heidelberg, 1951 (сокр. NdŽ), 401.

²² NdŽ III 431.

²³ Смол. обл. сл. 715.

имствование), а также из-за отсутствия подкрепляющих древность значения для *примень* материалов из других русских диалектов и славянских языков.

4. Русск. диал. *емины* — лит. *ėdmenė*

О. Н. Трубачевым установлено родство старорусского слова *емена* (из переписки стольника Безобразова, л. 77, XVII в.), русск. диал. (саратовск., псковск.) *эмины* мн. „харч, пища, особенно хлеб, оставляемый для домашнего запаса, не продажный“ (Даль, Сл. IV 660) с лит. *ėdmenė*²⁴, имеющим значение „съедобные вещи“ (в словаре Юшкевича) и „морда“ (в словаре Нессельманна)²⁵ и с др.-инд. *adma* „пища“. В качестве дополнений можно указать еще на русск. диал. (смоленск.) *тьмены* „зерна, оставленные на покорм людей и скота“²⁶. Достоверность значения гарантирует приведенный там же пример: *Нет у нас тьмин, што делать нам, чим и як жить?* Встречается вариант с другим рефлексом старого *ě/ть* / в виде *i*: *имины* (*тьмены* „зерно, оставленное для еды“²⁷).

Небезынтересно, что данные образования нам удалось обнаружить и в белорусском: *эмінны, эміны, эмны*²⁸.

Обращает на себя внимание постоянство окружения, в котором данное слово встречается в русском языке: И в примере, цитируемом О. Н. Трубачевым из переписки Безобразова (*а на замолоту ис копны выходит по [четверти] с четвертиком, а то, г(о) с (у) д (а) рь, им дано на се [мена] и на емена*), и в двух примерах из народной речи на смоленщине — всегда наряду со словом **эмена* (< **ėdmena*) употребляется слово **сэмена*: *Ёсть съмены, ёсть тьмины* (Смол. обл. сл. 1014), *имины и семъны* (Смол. обл. сл. 298). И у Даля (ук. соч.) читаем: *Хлеб на тьмины, и хлеб на сев, семенá, на семены.*

5. Русск. диал. *голубой* „жёлтый“ — лит. *gelumbė*

Э. Френкель (LEV 146) связывает лит. *gelumbė* „фабричное сукно для мужской одежды“ с прасл. **golqьbь* „*Taube*“, польск. *gołębi* „*taubenblau*“, др.-прусск. *golimban* „*blau*“. Литовское слово имеет кроме того еще сле-

²⁴ См. Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. Москва, 1963, 50—51.

²⁵ По Р. Skardžius, LKŽD 237. Ср. еще лит. *ėdmenys* „морда“, которое по свидетельству А. Сабалюскаса (Baltistica, I, 196) встречается кроме того в значении „пища“.

²⁶ Смол. обл. сл. 1014.

²⁷ Смол. обл. сл. 298.

²⁸ В. Ластоўскі, Расійска-крыўскі слоўнік, Коўна, 1924, 754.

дующие значения: „на фабрике произведенная довольно толстая материя из шерсти“; „фитиль лампы“ LKŽ III 227); „мягкая шерстяная ткань“ (DLKŽ 205); „голубое сукно“ (Vasmer, REW I 289); „fein Tuch, Wand von hoher Farbe“ (Mielcke, 77).

Френкель высказывает сомнения относительно связи лит. *gelumbė* с лит. *geltas* „бледно-желтый“, хотя, как нам кажется, именно это сравнение открывает путь для обоснованной этимологии для слова *gelumbė*. Оно первоначально означало очевидно „ткань из шерсти“, при чем это название мотивировано расцветкой натуральной (желтовато-серой) овечьей шерсти. Это подтверждается, с одной стороны, словами, образованными от корня *gel- (с той же огласовкой -e-, что корень в слове *gelumbė* в отличие от славянского *golqbb): лит. *gelta*, -os „желтая пряжа, желтизна, желтуха, желть“; *geltos*, -и „желтая пряжа“ и *geltiniai*, -иц „желтая пряжа, нить“²⁹.

С другой стороны, из русских диалектов нам известны факты, позволяющие воспроизвести выше описанные соотношения. В. Даль³⁰ пишет: „Народ *голубым* называет то синее, то серое или темнокоричного цвета; *голубая* лошадь — пепельная, мышастая; иногда даже и с желтизной (разрядка наша Р. Э.); в ниже [городском] и др. *голубым* иногда народ зовет желтый цвет (разрядка наша Р. Э.); замечательно, что цвета эти противоположны“.

Любопытно в этой связи употребление слов *голубь* и *ЖОЛТЬ* в одном контексте из Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича 1582-1583 гг.: *черези камка Кизилъаишская на голуби шолкъ жолтъ*³¹. Колебания между обозначающими и обозначаемыми в названиях цветов наблюдаются нередко. Характерно при этом, что термины желтого и голубого цвета в целом ряде случаев перекрываются. Ср. нем. *blau* „голубой, синий“ и родственное ему лат. *flavus* „жёлтый“³². По мнению, высказанному в словаре Клуге³³, значения многих названий цветов колеблются: синее, желтое и белокурое, все обозначают светлые тона. Последнее можно отнести в частности к расцветке натуральной овечьей шерсти.

²⁹ LKŽ III 220, 223.

³⁰ Даль, Сл. I 370.

³¹ Срезневский, Материалы, I, 546.

³² См. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, I, Москва, 1910-1914, 142. Замечательно, что в средневерхненемецком *blā* также имело значение „желтый“. Ср. А. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch², Heidelberg, 1910, 298.

³³ F. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache¹⁸, Berlin, 1960, 82.

³⁴ См. E. Fraenkel, LEW 270.

6. Русск. диал. *поклѣть* – лит. *paklėtė*

Лит. *klėtis*, *-ies* ж. р. „постройка или часть постройки для хранения хлеба, одежды или предназначенная для переночовки людей; амбар; клетка“ является родственным прасл. **klětь*, *-i*, представленному, например, в русском *клеть*³⁴.

В литовском языке имеется производное от слова *klėtis* – *paklėtė* „Raum unter dem Vorratshause“ (К. В *ūga*, RR II 386, 407), которому соответствует русск. диал. (курск.) *поклѣть* „решетчатый верх телеги; боек, болючек, будка, беседка, кибитка“³⁵, а также польск. *poklat* „беседка“³⁶. Фонетические особенности всех этих слов вместе с своеобразными морфологическими характеристиками (в лит. основа на *-ė < iā*, в русск. диал. слове основа на *-i*, в польском основа на *-o*) дают основания рассматривать их как параллельные образования, возникшие по общей словообразовательной модели (отыменные образования с приставками *pa-* и *po-*).

На примере этих данных, которые легко могут быть увеличены, мы старались доказать, что факты из русских народных говоров дают много поучительного и интересного для изучения истории и этимологии литовских слов.

Karl-Marx Universität, Leipzig

ZUR BEDEUTUNG DER RUSSISCHEN DIALEKTALEN LEXIK FÜR DIE LITAUISCHE ETYMOLOGIE

Zusammenfassung

In vorliegendem Aufsatz werden eingangs Ausführungen gemacht über den großen Reichtum der russischen Dialekte, die in lexikalischer und semantischer Hinsicht in vielem ur-slavisches Verhältnisse widerspiegeln, ja nicht selten sogar noch weiter zurückreichende, ursprachliche Fakten bewahren.

Im folgenden sollen 6 etymologisch-wortgeschichtliche Studien zeigen, welche Bedeutung russischen Dialektwörtern bei der Aufhellung oder Bestätigung einer Reihe litauischer Etymologien beizumessen ist:

1. Dem lit. *mėdis* „Baum, Holz“ und „Wald“, das von der Wz. **medh-* „Mitte“ abgeleitet ist, entspricht nicht nur bereits von M. Vasmer zitiertes russ. dial. *межá* „Wäldchen“, sondern auch bisher unbeachtetes russ. dial. *середіны* „tiefegelegene, mit Wald bedeckte Landstriche“. Zudem ist russ. dial. *дремјуча середá* neben bekanntem *дремјучий лес* ebenfalls hierher zu stellen.

2. Die archaische Bedeutung des lit. Verbs *vāsaroti* „erwärmen (in der Winterszeit)“, „warmmachen (von der Frühlingssonne)“ hat nicht nur in slovak. *letný* „kaum warm, etwas warm“ und

³⁵ Даль, Сл. III 242.

³⁶ A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957, 232.

čech. dial. (lachisch) *letnó (voda)* „warmes Wasser“ Entsprechungen, sondern vor allem in russ. dial. (um Smolensk) *облетовать* „erwärmen, Wasser warm machen“ und (um Tver“) *облётниться* „erwärmen (vom Wasser)“, sowie in den adjektivischen Bildungen russ. dial. *лётный* „etwas warm (vom Wasser)“, (pskovisch) *лётельный*, ukr. *літєлий* „lauwarm (vom Wasser)“, die ihrerseits genau den litauischen Komposita vom Typ *vasaróšiltis* und *vasárdrungnis* entsprechen.

3. Lit. *priĩti* „jemand als Ehemann bzw. Schwiegersohn (zu sich) nehmen (auf einen Hof, der der Braut gehört bzw. gehören wird)“ läßt sich hinsichtlich seiner Struktur und Bedeutung der aus der Smolensker Gegend bekannte Dialektausdruck *прімень* „Schwiegersohn, der in den Hof des Schwiegervaters aufgenommen wird“ zur Seite stellen.

4. Von O.N. Trubačev verglichenes lit. *ėdmenė* „eßbare Dinge“ und altruss. (XVII Jhd.) *емена*, russ. dial. *эмины* „Essen, Speise, besonders Getreide, das für den häuslichen Vorrat vorgesehen ist“ konnten wir ergänzen durch russ. dial. (aus dem Smolensker Gebiet) *эмины* „Getreide, das als Eß- oder Futtermittel vorgesehen ist“, *імины* „Getreide als Eßvorrat“ und beloruss. *эмінны, эміны, эмны*.

5. Die E. Fraenkel zweifelhaft erscheinende Verknüpfung von lit. *gelumbė* „Wollgewebe“ mit *geļtas* „fahlgelb“ erfährt seitens der Semantik des russischen Wortes *голубой* in den Dialekten (es hat die Bedeutung „blau“, „grau“ und sogar „gelb“) eine überzeugende Stützung, die noch durch weitere Fakten ihre Bestätigung findet.

6. Für lit. *paklėtė* „Raum unter dem Vorratshause“ existieren in poln. *poklat* „Gartenlaube“ und russ. dial. (um Kursk) *поклётъ* „Bude, Gartenhäuschen (u.a.)“ ziemlich genaue Entsprechungen.

Ob es sich um ursprachliche Verwandtschaftsbeziehungen, um Lehnbeziehungen oder um Tatbestände handelt, die sich auf unabhängige, parallele Entwicklung gründen – in allen Fällen geben die russischen Dialektmaterialien wertvolle Aufschlüsse für Etymologie und Wortgeschichte des Litauischen.